

Формирование и развитие судебной системы
Российской империи на Южном Урале
в 1720-е – 1750-е гг.¹

В.А. Воропанов

*Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Челябинск, Российская Федерация*

Изменение политико-административного статуса Южного Урала, входившего с 1719 г. в состав Уфимской провинции, сопровождалось обновлением системы органов юстиции, адаптированной к социально-политическим и этнокультурным условиям региона. На этапе его интеграции в состав России и превращения из внешней во внутреннюю провинцию империи множественность юрисдикций, которые санкционировала верховная власть, плюрализм в правоприменительной деятельности соответствовали многообразию населения региона, способствуя защите корпоративных и частных прав и интересов, росту авторитета государства и роли права в регулировании общественных отношений, наконец, формированию регионального социума.

Ключевые слова: Российская империя, Южный Урал, суд, правосудие, юстиция, коренные народы России, башкиры, калмыки, казаки, мусульмане

Для цитирования: Воропанов В.А. Формирование и развитие судебной системы Российской империи на Южном Урале в 1720-е – 1750-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.31–45. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.31-45>

Особенности судоустройства на Южном Урале, как и в иных областях Российской империи, обуславливались решением актуальных задач его административно-институциональной, социально-экономической и правовой интеграции, конъюнктурой международных отношений. Деятельность местных органов правосудия способствовала эволюции политико-административного статуса периферийного региона, внесение изменений в их систему свидетельствовало о состоянии и качестве его властного освоения [5, с.181–189].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта №23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», реализуемого на базе Тюменского государственного университета.

Попытку создания в России системы специальных государственных органов, занятых осуществлением судебных функций, впервые предпринял Петр I. Первый опыт оказался противоречивым, суды первого звена, провинциальные и городские, организационно самостоятельные, были упразднены уже в 1722 г., суды второго звена, надворные, – в 1727 г.

Итак, судебная юрисдикция воеводы, назначавшегося в Уфимский уезд, в начале XVIII в. охватывала пришлое население, которое преимущественно представляли служилые люди [29, с.48–50], и формально – коренное [1, с.125–126]. В ходе административной реформы конца 1710-х гг. статус местного воеводы повысили до провинциального, одновременно подчинив его казанскому губернатору. С 1722 г. в ряд населенных пунктов Уфимской провинции – Бирск, Мензелинск, Оса, крепости Елдяцкая, Красноуфимская, Нагайбакская, Табынская – в качестве специальных должностных лиц посылали судебных комиссаров, наделенных правом разбирать имущественные иски («челобитчиковы дела») на сумму до 50 рублей, решения по которым могли быть обжалованы у воеводы [31, с.40].

Башкиры же просили Петра I сохранить для них эксклюзивную подсудность (*«дабы указом вашего и.в. определен был у нас на Уфе судьей один, понеже как зачался город Уфа из давних лет всегда был тамо судьей один; а в прежних годех к нам воеводы посылавались из Москвы, а не из Казани, а под ведением в Казани оные воеводы не бывали, чтоб и ныне також судьей б был один воевода, и оной бы воевода под ведением в Казани не был»*) [12, с.122–123]. Царь согласился [16, №3565, п.6], однако местные начальники указывали на проблемы управления провинцией, пограничной с районами интенсивного освоения, где суд для населения был малодоступен и саморасправа сделалась общим правилом. В регулировании внутриэтнических отношений башкиры опирались на традиции, вовсе не обращаясь к авторитету и помощи государевых слуг [13, с.487]. *«...Оные нигде инде несудимы, токмо на Уфе, для которого они повсягодно из разных отдаленных мест ко Уфе съезжаются многолюдством и в тех съездах о делех своих имеют советы»*, – напоминал из Екатеринбурга В.Н. Татищев, руководивший строительством горных заводов [13, с.481–482]. В.И. де Геннин, его преемник, предложил *«оных разделить в разные суды подобием как казанские татары разделены были по пригородам и для того зделать в разных пристойных местех городки и определить особых судей, чтоб они на Уфу бить челом не ездили, разве на того судью, который кого чем обидит, а для безопасности дать оным судьям по несколько салдат с ружьем, а руским пограничным объявить, чтоб никто в своей обиде управлятся собою не дерзал, но ездили б и били челом оным судьям»*. Альтернативным предложением являлось размещение должностных лиц с воинской охраной вдоль дороги из Казани в Тобольск [6, с.86–287].

Об особом геополитическом положении Уфимской провинции свидетельствовали усилия по обеспечению безопасности внутренних, соседство-

вавших с ней территорий: в 1731 г. началось строительство Новой Закамской (между реками Самара и Кама) пограничной линии с целью отделения центральной части страны от районов проживания полукочевых и кочевых народов [18, №5808, 6055]. Указом от 15 марта 1728 г. Сенат предписал губернским и провинциальным канцеляриям принять меры по защите населения от возможных нападений («набегов башкирцов»), обусловленных слабым контролем [18, №5248].

На основании челобитной, поданной башкирской делегацией в Коллегию иностранных дел в марте 1728 г., именной указ от 27 июля лишил казанского губернатора власти над Уфимской провинцией, подчинив ее прямому ведению Сената в виде особого исключения в имперской политической практике. Указ подтвердил действие жалованных грамот и наставлял уфимского воеводу П. Бутурлина *«никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому никаких не чинить и нападками взятков ни с кого никакими мерами не брать, и подчиненных своих до того не допускать»*. Сбор ясака полагался в привычных объемах, в установленные сроки и впредь без участия служилых людей. Наконец, *«суд и расправу»* предписывалось осуществлять *«так как прежде такие суды были чинены по прежним данным воеводским наказам в правду, не чиня никому ни малаго продолжения и волокиты»* [18, №5316, 5318, 6174]. Указ Сената от 13 сентября 1728 г. потребовал содержать аманатов добросовестно [18, №5334].

С начала 1730-х гг. правительство приступило к реализации стратегии по закреплению Заволжья и Южного Приуралья в составе империи и юридическому подчинению казахских родов – населения Малого, Среднего и Старшего жузов [19, №6571]. В мае 1734 г. последовал ряд указов, коснувшихся различных вопросов управления Уфимской провинцией. Важное место в инструкции начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову заняли принципы организации правосудия. Вместо аманатов, признанных архаичным институтом, ему рекомендовали создать для башкир и иных народов особые суды, состоящие из 2–3 чиновников и 2–3 представителей этнической знати [19, №6576, п.10]. Указом от 31 мая Сенат подтвердил подсудность тяжких преступлений воеводе, узаконив разбирательство иных дел в традиционных судах *«Башкирцам и другим уфимским иноверным народам для их на великой обширности жилья, что им в своих между собою малых делах на Уфу для челобиться ездить убыточно, по старым их обычаям, кто похочет разбираться третейским судом и мириться безвозбранно и тех их третейских судов и добровольных миров ежели прямых, а не затейных споров не будет, не нарушивать и в Уфу не волочить»*) [19, №6581, п. 4, 15].

Путь Оренбургской экспедиции через Уфимскую провинцию был признан политической ошибкой. Разработку и реализацию мер по подавлению восстания возложили на Комиссию башкирских дел под руководством графа А.И. Румянцева, одновременно назначенного на должность казанского губернатора. В ходе военных действий численность коренного

народа Южного Урала сократилась, часть его вотчинных земель конфисковали. Новая Закамская линия утратила актуальность. Оренбургская пограничная линия протянулась на 2500 км, защитив юго-восточную границу и став стабилизирующим фактором в отношениях между башкирами и казахами [19, №6889, п. 12, 14; 20, №7735, 7876, п. 1–3; 21, №8011, п. 6, 10–14, №8111, 8720].

Уже в январе 1735 г. И.К. Кирилов сообщил монарху, что *«суд застал по здешнему народу весьма обидной»*, так как он являлся одной из статей доходов воеводы, поэтому он обратил внимание правителя на необходимость определить форму судебного разбирательства: письменную или устную. Лиц, осужденных за хищения чужого имущества, воеводы часто продавали в качестве работников. Неэффективность такой деятельности, по свидетельству И.К. Кирилова, стала причиной широкого распространения мнения о том, *«что де дикого зверя – волков всех перевели, ...а воров де уфинския судьы перевести не могут»* [13, с.490–491].

В 1737 г. Челябинскую крепость сделали центром провинции, в Красноуфимскую и Осинскую крепости назначили воевод. Офицеров инструктировали, *«каким порядком... башкирцов судом и расправою ведать»* [20, №7347, п.5–8]. В.Н. Татищев, сменивший И.К. Кирилова в должности начальника Оренбургской комиссии, указал башкирам, не желавшим подсудности многим воеводам, на размеры края и возможность принесения жалоб в провинциальные суды [13, с.363].

Именной указ от 3 марта 1740 г. поручил вице-губернатору Уфимскую провинцию, оставив ее в прямом ведении Сената [2, с.101–109], указ от 15 марта 1744 г. учредил Оренбургскую губернию, вернув в Уфу воеводу [22, №8901]. Губернатор И.И. Неплюев устранил нарушения предписаний об организации управления башкирскими волостями [19, №6890, п.13; 20, №7278]: упразднил должности главных старшин и выдал низшим начальникам инструкции, подтвердив их право на осуществление ограниченных судебных функций [13, с.515]. Третейский суд под председательством старшины с участием представителей сторон и духовного лица впредь действовал только с санкции губернской или провинциальной канцелярии [28, с.57].

В правление Петра I на Южном Урале появился первый судебный орган нового вида – магистрат, задуманный для защиты интересов городских сословий и, как следствие, поддержки их развития. В соответствии с численностью жителей коллегия Уфимского (провинциального) магистрата состояла только из двух должностных лиц – бургомистра и ратмана [10, с.225].

В 1734 г. задачи социально-экономического развития края вновь обусловили отдельное внимание к торгово-промышленным группам его населения. Привилегия, данная Оренбургу 7 июня, привлекала русских подданных и иностранцев благоприятными условиями торговли и предпринимательства, свободой вероисповедания и эффективным правосудием.

Новому местному суду, названному магистратом, в отличие от типовых судов для городских сословий, переименованных в 1727 г. в ратуши, присвоили эксклюзивный статус. Во-первых, начальник города мог назначить заседание суда со своим участием после оценки жалобы на его решение. Судебными полномочиями («в нижнем градском суде») закон наделил двух членов магистрата из девяти – бургомистра и ратсгера. В состав коллегии дополнительно входили судебные представители от русских и иностранных купцов. Закон допускал применение в Оренбургском магистрате источников иностранного права [19, №6584, ст.1–4, 19].

Первую группу купцов для Оренбурга именной указ от 20 августа 1739 г. предписал прислать из Казанской губернии, где следовало выбрать из своей среды первых членов будущего магистрата («одного бурмистра и одного ратмана») [20, №7876. п.7]. До открытия магистрата Оренбургская губернская канцелярия исполняла судебные функции в полном объеме [23, №10156, п.11].

Очередная ратуша на Южном Урале была открыта лишь в 1754 г. в Челябинске [30, с.68]. Посредством ратуши местные купцы и мещане смогли отстаивать корпоративные и личные права и законные интересы в конфликтах и спорах с органами казачьей и крестьянской администрации².

В 1754 г. в связи с отменой внутренних таможен Сенат учредил во всех городах («под ведомством магистратов и ратуши») словесные суды. В целях обеспечения доступа к правосудию купцам следовало избирать двух словесных судей («дабы в случае одного из них болезни или немощи, купецкие люди в прозбах своих скорое удовольствие безпрепятственно иметь могли»). Для разбирательства торговых споров, возникавших во время ярмарок, Главный магистрат назначал в словесный суд члена магистрата или ратуши ближайшего города, помощниками которого являлись два купца, избранных дополнительно. Иные дела надлежало отсылать в магистрат или ратушу [24, №10222, п.1, 2, №10486. Гл.VIII].

Полного распространения словесные суды не получили. Торговые люди жаловались: «Не только магистрата или ратуши, но и словесного суда доньне в городе Оренбурге не учреждено. И наличное купечество положенного тем в привилегии пунктом порядка благополучия и довольствия не видит, но в разных правительствах и суд и расправу имеет следственно» [15, с.126].

В ряду отраслевых судов со времен Петра I действовали таможенные, в подсудность которым указом от 1 февраля 1726 г. Сенат передал споры по коммерческим договорам и обязательствам купцов [17, №4828]. Согласно уставу 1727 г., при таможенном суде следовало создавать третейские суды для разрешения споров по деловым документам в лице посредников, назначенных сторонами или таможенными судьями. Отказ заявите-

---

² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-1. Оп.1. Д.56. Л.29; Ф.И-211. Оп.1. Д.4. Л.1.

ля от медиации предусматривал передачу его дела в суд сословной подсудности [17, №5145].

Сбор пошлин в Оренбурге и Троицкой крепости регламентировал особый Устав от 29 ноября 1753 г., предписавший создавать третейские суды для русских купцов во время ярмарок на основании закона и иноверных коммерсантов по обычаю (*«чтоб купцам и всем торговым людям от таможенного суда в их делах и промыслах никакой отволочки не было, и могли б случающиеся между ими споры, також и по счетам, не ходя в настоящий суд, между собою разбираться и судимы быть: того ради при каждой ярманке для русских купцов, по силе Соборного уложения, иметь третейской суд, а для иноверцов шарагат, в которой из самых лучших и справедливых людей назначивать человека по два, а к ним, когда дело случится, придавать еще по несколько человек, кого челобитчик и ответчик изберут, и тем третейским судом всякие между купцами споры и счета разбирать»*). Таможенные судьи обязались поддерживать их обоснованные решения и передавать исковые заявления в губернскую канцелярию для дальнейших производств по делам [23, №10156, п.11, 12].

Отдельную категорию населения Южного Урала составляли служилые народы. Освоение региона повлекло расширение полномочий местных органов военной администрации в отношении Яицкого казачьего войска. Именной указ от 25 августа 1740 г. подтвердил временный характер его правовых традиций, но обязал войсковое начальство вести судебное дело-производство в целях обеспечения правосудия (*«в производящих обидах суды производить, пока надлежащий порядок введен будет, хотя по прежнему их казацкому обыкновению, однако на письме, дабы обиженные, ежели кто просить будут о неправом решении, о своей правде могли свидетельствоваться самими теми делами»*) [21, №8215, п.4]. По инициативе оренбургского губернатора яицких казаков разделили на 7 полков и окончательно ограничили их право на самоуправление, в том числе в сфере правосудия. Судебными полномочиями стали пользоваться атаман и трое старшин, представлявших войсковой суд (*«в войске яицком всех старшин ко всякому войсковому делу не сзывать, а вместо того при атамане у всех дел присутствовать двум старшинам непременно и именовать их первыми старшинами и из них по выбору присутствовать по одному с переменою погодно с войсковым атаманом и войсковыми первыми старшинами»*), и станичные атаманы – полковые командиры [3, с.84, 87; 11, с.33, 36–38].

Кочевые народы рассматривались как важный источник пополнения иррегулярных военных сил. Массовое крещение калмыков сопровождалось их переводом на территорию губерний. Одновременно Сенат подтвердил действие соглашений с ханами о возвращении их некрещеных соплеменников в места старых кочевий [17, №4784; 22, №9175]. Калмыки, ставшие частью Оренбургского казачьего войска (*«Калмыцкая команда»*), с 1757 г. компактно селились в Бузулукском уезде и подразделялись на

привычные им низшие территориальные единицы – улусы [9, с.140–146]. Основную группу неофитов руководители Оренбургской экспедиции сосредоточили в области с центром в Ставрополе-на-Волге [20, №7228, 7335, 7733, 7800; 21, №8392, 8847; 22, №9110, 9174].

После передачи Коллегией иностранных дел Ставропольской крепости в состав Оренбургской губернии [22, №8920] местные эксперты подготовили законопроект об образовании из крещеных калмыков войска, орган управления которым – Калмыцкий суд в составе председателя, этнического лидера («владельца Никиты Тайшина»), войсковых полковника, судьи, писаря и трех зайсангов («в образе генеральной старшины») напоминал Зарго, действовавший в ханстве. Оренбургская губернская канцелярия исполняла роль суда апелляционной инстанции. Решения Калмыцкого суда не являлись окончательными в делах об убийствах и хищениях, совершенных калмыками, а также поземельных и владельческих спорах («о земле и об улусах»). Его судьям разрешалось применять обычаи на неопределенное время («доколе права российския познают») [22, №9110, ст.6; 26, №21025]. В юрисдикции Ставропольской провинциальной канцелярии, учрежденной в 1745 г., находились уголовные дела, случившиеся между калмыками и иными жителями края («людьми посторонняго ведомства») [22, №9110, ст.22, 24].

После разгрома Китаем Джунгарского ханства его жители массово мигрировали в Россию. Указом от 9 октября 1757 г. Коллегия позволила оренбургскому губернатору принимать в России джунгар, вышедших из Казахской степи, при условии принятия ими христианства. Неплюев предпочел отсылать их к ставропольским калмыкам. Указом от 18 мая 1760 г. Сенат санкционировал создание в Ставропольском калмыцком войске 3 новых территориальных единиц, увеличив число рот, в которых смешались прежние улусы, с 8 до 11. Представителей джунгар включили в состав Калмыцкого суда: владельца Норбо Данжина назначили на должность войскового судьи, Матвея Петрова Дондука – на должность хорунжего сверх штата [9, с.44–46].

Специальную юрисдикцию традиционно сохраняли органы церковной администрации. Укрепление государства в провинциях способствовало развитию их местных систем. Так, в Уфе в 1721 г. поповского старосту сменило духовное правление [34, с.122]. Позднее на Южном Урале учредили ряд новых духовных правлений, подчиненных Казанской и Тобольской духовным консисториям: Оренбургское (1739 г.) [27, с.80–81, 493–494, 554–555], Воскресенское и Троицкое (1744 г.), Челябинское (1750 г.)³. Важно обратить внимание на то, что развитие системы церковных органов, а также определение их подсудности по кругу лиц были обусловлены составом населения и правовыми статусами отдельных его

---

³ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.172. Оп.1. Д.2. Л.1; ОГАЧО. Ф.Р-874. Оп.1. Д.10. Л.10.

групп: яицкие казаки, включенные в Казанскую епархию, сохранили должность протопопа в Яицком городке, наделенного широкими правами. При этом их круг и войсковая канцелярия регулярно вмешивались в его дела. В 1746 г. казаки отстояли Илек и Сакмарск, которые Казанская консистория попыталась изъять из ведения их протопопа и передать в компетенцию Оренбургского духовного правления, в 1748 г. отказались подчиниться последнему, в 1754 г. – учредить в Яике духовное правление, которому надлежало бы искоренять из их среды староверческие традиции. Военная коллегия поддержала яицких казаков в споре с епархиальным начальством [33, с.156–174]. В Оренбургском казачьем войске принимали меры по устранению нарушений православных обрядов⁴.

Спор о подсудности светских и церковных судов в отношении «иноверующих» на Южном Урале разрешили с участием Сената: губернатор опротестовал действия Тобольской духовной консистории и добился учреждения особой комиссии в составе 2 светских и 2 духовных должностных лиц для проведения предварительного расследования преступлений против православной веры (*«разбирательства духовных дел»*). Материалы дел надлежало пересылать в духовную консисторию или губернскую канцелярию [23, №9904].

Наконец, указами от 8 марта 1744 г. и 8 августа 1745 г. Сенат дал разрешение на поселение в 18 верстах от Оренбурга до 200 семей казанских торговых татар, наделив их особым правовым статусом [22, №8893; 32, с.214–216]. В 1761 г. население Сеитовой (Каргалинской) слободы, пополнявшееся как подданными, так и торговыми гостями из Средней Азии, насчитывало 3159 лиц мужского пола, записанных в сословия торговых и чемоданных татар. Сенат отклонил их просьбу об освобождении от увеличения подушной подати, сочтя налоговые преимущества сословия достаточными [25, №11186]. Татарская слобода превратилась в крупный мусульманский образовательный центр [8, с.173; 14, с.199–201]. Собрание авторитетного духовенства в слободе избирало кандидатов на должности ахунов четырех дорог [7, с.43–47]. Мелкие конфликты и имущественные споры жителей Сеитовой слободы разбирали «старшины с выборными», дела духовной юрисдикции – коллегия в лице ахуна с муллами [32, с.227].

Итак, в 1721 г. Южный Урал представлял окраину Российской империи. В 1728 г. актуальность обособленного территориального управления регионом выразилась в наделении уфимского провинциального воеводы самостоятельным статусом. В качестве временной внутренней границы на Урале в 1731 г. была назначена Новая Закамская линия. В таких условиях фактическая юрисдикция местного воеводы в отношении как коренного народа Южного Урала, так и остального населения, рассеянного на его пространстве, оставалась номинальной. Санкционируя в 1734 г. меры по

---

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.822. Оп.1. Д.7. Л.1; Д.15. Л.1; Д.17. Л.1.

обеспечению интересов государства в Уфимской провинции, правительство допускало возможность ограничения подсудности воеводы тяжкими преступлениями и учреждения судов специальной подсудности с участием представителей башкирской знати, уполномоченных применять нормы обычного права.

Вооруженное сопротивление башкир Оренбургской экспедиции обернулось форсированным административным освоением края и действием чрезвычайных судов. Самостоятельный статус Уфимской провинции был закреплен назначением в 1740 г. вице-губернатора, подчиненного Сенату. Создание на Южном Урале типовой системы органов местной администрации и юстиции завершилось учреждением в 1744 г. Оренбургской губернии. Самоуправление башкир подвергли ограничениям: губернская и провинциальные канцелярии санкционировали третейские шариатские суды, органы волостной (улусной) администрации, ставшие проводниками элементов имперского правопорядка, наделили полномочиями низших судов.

Усиление государственного регулирования развития экономической деятельности на Южном Урале сопровождалось принятием в 1734 г. специального закона – Привилегии городу Оренбургу, предусматривавшего создание магистрата в качестве суда губернского звена, наделенного эксклюзивными полномочиями и обязанностью соблюдать правовой плюрализм в интересах подданных, иммигрантов и лиц, временно находившихся в Российской империи. До его открытия губернской канцелярии следовало исполнять судебные функции в полном объеме. Острая нехватка купечества на Южном Урале вызвала указ Сената от 19 марта 1744 г. о ссылке в Оренбургскую губернию лиц данного сословия, осужденных за преступления. Тем не менее, ратуша, открытая в 1754 г. в Челябинске, стала вторым судом после Уфимского (провинциального) магистрата, предназначенным для городских сословий. После ликвидации в России внутренних таможен в городах, подведомственных магистратам и ратушам, надлежало дополнительно создавать словесные суды. На Южном Урале к началу 1760-х гг. такого суда не оказалось даже в Оренбурге.

В ряд отраслевых судов, действовавших в России, входили таможенные, уполномоченные разбирать купеческие споры, при которых с 1727 г. создавались торговые словесные суды, мирившие стороны. В Оренбургской губернии специальный закон разрешил иноверным торговым людям создавать третейские суды по обычаю – шерагаты, и обращаться за поддержкой к таможенным судьям в случае неисполнения их решений.

Особенностью периферийных областей являлось сосредоточение военных служилых сословий. Верховная власть осуществляла реорганизации казачьих войск, усиливала контроль над ними посредством губернаторов, комендантов, полевых командиров и назначаемых атаманов, создавала новые иррегулярные воинские формирования. Оренбургское казачье войско

оказалось в подсудности Оренбургской губернской, а также Ставропольской и Уфимской провинциальных, Оренбургской и Исетской войсковых канцелярий, Яицкое – Оренбургской губернской и Яицкой войсковой, Ставропольское калмыцкое – Оренбургской губернской канцелярии и Калмыцкого суда. Для трансформации правовых традиций кочевого народа продумывались и создавались оптимальные условия. Интеграция крупной группы иммигрантов с территории бывшей Джунгарии сопровождалась включением в 1760 г. их представителей в состав Ставропольского Калмыцкого суда. Во время прохождения службы служилые люди подчинялись органам военной власти.

В восточных провинциях, включая Южный Урал, происходило развитие систем церковных органов местной администрации и юстиции: упорядочивались их структура и компетенция, создавались духовные консистории, правления, заказы. При этом сдерживать давление Русской православной церкви удавалось лишь отдельным сословным группам, как правило востребованным государством, например, яицким казакам, отличавшимся приверженностью к «древлеправославию» и отстаивавшим духовную автономию. Органы светской администрации настаивали на соблюдении пределов подсудности церковных органов юстиции по кругу лиц, ограничив их активность в отношении «иноверующих», представлявших половину населения.

Мусульманское духовенство не только участвовало в осуществлении правосудия, но и применяло нормы исламского права непосредственно, регулируя, прежде всего, отношения в религиозной сфере.

Таким образом, на этапе интеграции Южного Урала в состав России и превращения его из внешней во внутреннюю провинцию империи множественность юрисдикций, которые санкционировала верховная власть, плюрализм в правоприменительной деятельности соответствовали многообразию населения региона, способствуя защите корпоративных и частных прав и интересов, росту авторитета государства и роли права в регулировании общественных отношений, наконец, формированию регионального социума.

Для понимания характерных особенностей формирования и развития судебной системы на Южном Урале полезно сравнить и сопоставить сведения о разных регионах Российской империи. Так, можно заметить, что в Сибири состояние судоустройства также обуславливал комплекс региональных факторов. В 1730–1763 гг. местные органы администрации, уполномоченные осуществлять правосудие, подчинялись Сибирскому приказу в качестве суда территориальной подсудности. Пространственное действие их юрисдикций менялось по мере реформирования и развития административно-территориальной системы. Развитие судоустройства сдерживалось огромными размерами губерний и уездов, слабостью коммуникаций в них, низкой плотностью жителей, устойчивой автономией коренных народов [4, с.173–185].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. *Биккулов И.Н.* П.Д. Аксаков воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа: Педкнига, 2009. 181 с.
3. *Витевский В.Н.* Неплюев, верный слуга Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 251 с.
4. *Воропанов В.А.* Развитие судебной системы в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // *Российская история.* 2022. №6. С.173–185.
5. *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири): монография. М.: Проспект, 2017. 192 с.
6. *Геннин В.И.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 467 с.
7. *Денисов Д.Н.* О роли ахунов до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (на примере Южного Урала) // *Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.).* Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.43–48.
8. *Денисов Д.Н.* Приходские мектебе Сеитовского посада (Каргалы) // *Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.К. Загидуллин.* Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С.173–182.
9. *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XIX века). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.
10. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. 443 с.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Уральское казачье войско. Ч.I. / сост. Ген. штаба поручик А.Рябинин. СПб.: Тип. Э.Веймара, 1866. 419 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А.П. Чулошников. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.
13. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н.Ф. Демидова, под ред. Н.В. Устюгова. М.; Л.: Наука, 1949. 691 с.
14. *Набиев Р., Хабутдинов А.* Медресе «Каргалинские» // *Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь под ред. Р.А. Набиева.* Казань: Магариф, 2004. С.199–201.
15. Оренбургский край – поликультурный трансграничный регион Российской империи: сб. док.: к 250-летию со дня рождения выдающегося военного и государственного деятеля, оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эсена / науч. ред. и сост. С.В. Любичанковский. Оренбург: Университет, 2021. 712 с.

16. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т.VI. №3565.
17. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.VII. №4784, №4828, №5145.
18. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.VIII. №5248, №5316, №5318, №5334, №5808, №6174.
19. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.IX. №6571, №6576, №6581, №6584, №6889, №6890.
20. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.X. №7228, №7278, №7335, №7347, №7733, №7735, №7800, №7876.
21. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XI. №8011, №8111, №8215, №8392, №8720, №8847.
22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XII. №8893, №8901, №8920, №9110, №9174, №9175.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XIII. №9904, №10156.
24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XIV. №10222, №10486.
25. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XV. №11186.
26. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XXVII. №21025.
27. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т.X. 1738 – 24 ноября 1744 гг. СПб.: Синодальная типография, 1911. 673 с.
28. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук по предложению ее президента. С прим., изъясн. и дополн. Т.IV. Продолжение Записок путешествия академика Лепехина. Ч.3. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1822. 440 с.
29. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
30. *Самигулов Г.Х.* Из истории Челябинска. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 140 с.
31. Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т.14. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875. 544 с.
32. СИРИО. Т.147. СПб.: Тип. А.Траншеля, 1915. 402 с.
33. *Чернавский Н.М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург: Типография Оренбургской духовной консистории, 1900. Вып. I. С.156–174.
34. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, промышленном и этнографическом отношениях. Уфа: Тип. Оренбургского губ. правления, 1859. 472 с.

Информация об авторе:

Воропанов Виталий Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4842-3526; e-mail: vvogorpanov@yandex.ru

Поступила 12.05.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Formation and development of the judicial system
of the Russian Empire in the South Urals in the 1720s – 1750s

V.A. Voropanov

*Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Chelyabinsk, Russian Federation*

The change in the political and administrative status of the Southern Urals, which had been part of the Ufa province since 1719, was accompanied by the renewal of the system of justice authorities, adapted to the socio-political and ethno-cultural conditions of the region. At the stage of its integration into Russia and the transformation from an external to an internal province of the empire, the plurality of jurisdictions that were sanctioned by the supreme power, pluralism in law enforcement corresponded to the diversity of the population of the region, contributing to the protection of corporate and private rights and interests, growth the authority of the state and the role of law in the regulation of social relations, and finally, the formation of a regional society.

Keywords: Russian Empire, Southern Urals, court, justice, indigenous peoples of Russia, Bashkirs, Kalmyks, Cossacks, Muslims

For citation: Voropanov V.A. Formation and development of the judicial system of the Russian Empire in the South Urals in the 1720s – 1750s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.31–45. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.31-45> (In Russian)

REFERENCES

1. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiria after becoming part of Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
2. Bikkulov I.N. *P.D. Aksakov voivode and vice-governor of the Ufa province*. Ufa: Pedkniga Publ., 2009. 181 p. (In Russian)
3. Vitevskiy V.N. *Neptyuev, faithful servant of the Fatherland, founder of Orenburg and organizer of the Orenburg region*. Kazan: Kazan Imperial University, 1891. 251 p. (In Russian)
4. Voropanov V.A. The development of the judicial system in Siberia in the 18th – the first half of the 19th century. *Russian history*. 2022, no.6, pp.173–185. (In Russian)
5. Voropanov V.A. *Court and Justice in the Provinces of the Russian State in the 16th – First Half of the 18th centuries (on the example of the regions of the Volga region, the Urals and Western Siberia)*: monograph. Moscow: Avenue Publ., 2017. 192 p. (In Russian)
6. Gennin V.I. *Ural correspondence with Peter I and Catherine I*. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 1995. 467 p. (In Russian)
7. Denisov D.N. *On the role of the Akhuns before the establishment of the Orenburg Mohammedan spiritual assembly (on the example of the Southern Urals)*. Orenburg Mohammedan spiritual assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the 18th – early 20th centuries: Materials of a scientific seminar dedicated to 220 anniversary of the establishment of the religious administration of

Muslims of inner Russia and Siberia. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011. Pp.43–48. (In Russian)

8. Denisov D.N. *Parish mektebes of Seitovsky Posad (Kargaly)*. Tatar Muslim parishes in the Russian Empire. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Ed. by I.K. Zagidullin. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2006. Pp.173–182. (In Russian)

9. Junjuzov S.V. *Kalmyks in the Middle Volga and the Southern Urals (mid-1830s – first quarter of the 19th century)*. Orenburg: Regional Center for the Development of Education, 2011. 209 p. (In Russian)

10. Kirilov I.K. *Blooming state of the All-Russian state*. Ed. by B.A. Rybakov. Moscow: Science Publ., 1977. 443 p. (In Russian)

11. *Materials for the geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff. Ural Cossack army. Part I*. St. Petersburg: E. Weimar Publ., 1866. 419 p. (In Russian)

12. *Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part I. Bashkir uprisings in the 17th and first half of the 18th centuries*. Ed. by A.P. Chuloshnikov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russian)

13. *Materials on the history of the Bashkir ASSR. T. III. Economic and social relations in Bashkiria in the first half of the 18th century*. Ed. by N.F. Demidov, N.V. Ustyugov. Moscow; Leningrad: Science Publ., 1949. 691 p. (In Russian)

14. Nabiev R., Khabutdinov A. Madrasah "Kargaly". *Islam in the European East: Encyclopedic Dictionary*. Ed. by R.A. Nabiev. Kazan: Magarif Publ., 2004, pp.199–201. (In Russian)

15. *Orenburg Territory – a multicultural transboundary region of the Russian Empire: a collection of documents: to the 250th anniversary of the birth of the outstanding military and statesman, Orenburg military governor Pyotr Kirillovich Essen*. Ed. by S.V. Lyubichankovsky. Orenburg: University Publ., 2021. 712 p. (In Russian)

16. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)*. Collection 1. Vol.6. no.3565. (In Russian)

17. *PSZRI*. Collection 1. Vol.7. no.4784, no.4828, no.5145. (In Russian)

18. *PSZRI*. Collection 1. Vol.8. no.5248, no.5316, no.5318, no.5334, no.5808, no.6174. (In Russian)

19. *PSZRI*. Collection 1. Vol.9. №6571, №6576, №6581, №6584, №6889, №6890. (In Russian)

20. *PSZRI*. Collection 1. Vol.10. no.7228, no.7278, no.335, no.7347, no.7733, no.7735, no.7800, no.7876. (In Russian)

21. *PSZRI*. Collection 1. Vol.11. no.8011, no.8111, no.8215, no.8392, no.8720, no.8847. (In Russian)

22. *PSZRI*. Collection 1. Vol.12. no.8893, no.8901, no.8920, no.9110, no.9174, no.9175. (In Russian)

23. *PSZRI*. Collection 1. Vol.13. no.9904, no.10156. (In Russian)

24. *PSZRI*. Collection 1. Vol.14. no.10222, no.10486. (In Russian)

25. *PSZRI*. Collection 1. Vol.15. no.11186. (In Russian)

26. *PSZRI*. Collection 1. Vol.27. no.21025. (In Russian)

27. Complete collection of resolutions and orders for the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol.10. 1738 – November 24, 1744. St. Petersburg: Synod Publ., 1911. 673 p. (In Russian)

28. *Complete collection of scientific travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences at the suggestion of its president. Vol.4. Continuation of the Travel Notes of Academician Lepkhin. Part 3.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1822. 440 p. (In Russian)

29. Rakhmatullin U.Kh. *The population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. Questions of the formation of the non-Bashkir population.* Moscow: Science Publ., 1988. 188 p. (In Russian)

30. Samigulov G.Kh. *From the history of Chelyabinsk. Book. 1. Fortress and provincial town from 1736 to 1781.* Chelyabinsk: Stone belt Publ., 2015. 140 p. (In Russian)

31. Collection of the Imperial Russian Historical Society (SIRIO). Vol.14. St. Petersburg: Second branch of the H.I.H. office Publ., 1875. 544 p. (In Russian)

32. SIRIO. Vol.147. St. Petersburg: A. Transhel Publ., 1915. 402 p. (In Russian)

33. Chernavsky N.M. *The Orenburg diocese in its past and present.* Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Issue.7. Orenburg: Orenburg spiritual consistory Publ., 1900. Issue.1. Pp.156–174. (In Russian)

34. Cheremshansky V.M. *Description of the Orenburg province in economic-statistical, industrial and ethnographic relations.* Ufa: Orenburg provincial government Publ., 1859. 472 p. (In Russian)

About the author:

Voropanov Vitaly Aleksandrovich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4842-3526; e-mail: vvoropanov@yandex.ru

Received May 15, 2023

Accepted for publication July 28, 2023